

**АЛЕКСАНДР
НИЛИН**

КРАСНАЯ
МАШИНА

Александр Нилин

Красная машина

2011

УДК 796.0
ББК 75.7

Нилин А. П.

Красная машина / А. П. Нилин — 2011

ISBN 978-5-9691-0622-2

Александр Нилин — один из самых известных и цитируемых спортивных писателей России. Как будто можно писателей разделить на военных, спортивных, и производственных! Поэтому скажем иначе: Александр Нилин — замечательный русский прозаик, который много пишет о спорте. У него были великие предшественники — например, Юрий Трифонов. Или Эрнест Хемингуэй, которому принадлежат, между прочим, такие слова: «Спорт учит если не всему, то очень многому». Герои Александра Нилина действительно способны научить очень многому: Эдуард Стрельцов, Константин Бесков, Валерий Воронин, Валерий Брумель, Михаил Таль, братья Старостины... Вся «Красная машина» — великая хоккейная сборная страны... И ничуть не выбиваются из этого ряда ни Валерий Чкалов, ни Василий Аксенов, ни Иосиф Бродский. Вы спросите почему? Ответы в книгах. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 796.0
ББК 75.7

ISBN 978-5-9691-0622-2

© Нилин А. П., 2011

Содержание

Вчерашнее столетие	6
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Павлович Нилин

Красная машина

© Александр Нилин, 2011

© «Время», 2011

Вчерашнее столетие (XX век. Спорт)

*...А у меня, похоже, два выхода: либо многолистный роман, либо
подробный перечень.*

Строчка, вырванная из текста

Столетие, которое сегодня кажется нам, переступившим рубеж тысячелетия, вчерашним – что значит пережитое в новом веке против случившегося в старом? – вместило в себя хронологические отрезки, которые без преувеличения можно назвать эпохами.

Достаточно сказать, что пройденный век вобрал и время до советской власти, и саму советскую власть с многочисленными смысловыми и бессмысленными перепадами представлений и понятий, и годы, несколько поспешно именуемые постсоветскими.

В последние годы XX века ушли из жизни люди, так или иначе особенность века в себя вбравшие.

Но из воспринимаемой нами жизни они еще не ушли – процесс превращения их в персонажей истории происходит у нас на глазах.

Собственно говоря, превращение того, что происходило на моей памяти либо на памяти тех, кого я хорошо знал, с кем состоял в родстве, – сюжет предлагаемой книги.

Я прожил в XX веке шестьдесят лет – и мое желание рассказать кое о чем из того, что выпало застать мне и отчасти понять, естественно.

Я не случайно выбрал темой своего рассмотрения и воспоминания спорт.

Во-первых, большой спорт – феномен именно XX века, а не какого-либо из предшествующего веков.

И то, что уготовлено этому, возможно, единственному из элитарных зрелищ, спроецированному на широкие массы, в наступившем столетии, целиком и полностью образовалось, завязалось в столетии минувшем.

Во-вторых, есть момент совсем уж субъективный. Но его никак не избежать, если заводишь разговор, скажем, о футболе или о спорте вообще.

Я рано увлекся спортом – лет в пять или от силы шесть, – и желание как можно больше узнать о нем совпадало с началом моего образования или, говоря скромнее, чтения.

Я потянулся к подшивкам старых газет – отец газеты подшивал (и не все они сгорели в печке за годы войны) к разрозненным журналам довоенным и сразу послевоенным.

Разумеется, чтением корреспонденции и очерков, посвященных футболу и прочим спортивным дисциплинам, дело не ограничивалось – заглядывал я и в статьи, что верстались рядом, а затем и в те, что публиковались на других страницах.

И никуда теперь не денешься – в историю (пусть и в упрощенном газетном ее варианте) я входил через спорт.

Настала пора возвращать долги – попытаться представить нашу общую историю посредством спортивной летописи.

Глава 1

XX столетие – девятисотые годы

Спорт укоренен в древности – откуда и ведут свой отсчет Олимпийские игры в перво-
зданном виде.

И для него столетием больше, столетием меньше, казалось бы, не столь и существенно,
когда обращен он к вечности.

Но как общественное явление определился именно в XX веке. Конечно, этот век изме-
рен не спортом единым (спортивное измерение нашей жизни вообще замечено всерьез совсем
недавно).

Спорт, тем не менее, измеряет век всего выразительнее, всего метафоричнее – не оттого
ли он привлекал художников с каких еще времен: вспомним того же Дискобола...

При всей покорности нашей перед войнами и революциями, как перед чем-то неизбеж-
ным, заметим все же, что в спорте сопряжены каждодневно и война, и мир, и в какой-то сте-
пени революция...

1

Человек в теннисных одеждах, замахнувшийся ракеткой... Сказать: эмблема или символ
спортивного века – мало сказать!

Это вполне самодостаточный сюжет, образно исчерпывающий историю спорта за целое
столетие. Фигура в светлых одеждах маячила на пороге века. И нет ничего привычнее, чем она
же при его завершении.

И тогда, и сейчас теннисный чемпион был далеко не бедняком. Но тогда игрок был состо-
ятельным изначально, а сегодня его миллионное состояние заработано теннисом.

Начало века – короткий миг, когда спортсменом, в большинстве случаев, становился
человек неплохо обеспеченный... Но искреннее чувство собственной избранности у человека
большого спорта сохранилось по сей день совершенно независимо от финансового положения.

С этим чувством XX век пройден немногими, хотя желавших культивировать в себе
подобное чувство и, главное, принимать и выдавать желаемое за действительное было и есть
хоть отбавляй...

2

Первое десятилетие XX века – самая стильная эпоха. В искусстве это десятилетие име-
нует Серебряным веком (он в общем-то и до середины следующего десятилетия дотянулся),
признавая, что предшествующий был золотым.

Но в смирении – вызов. В искусстве Серебряного века собственно искусства больше, чем
общечеловеческой и всяческой цены.

Это искусство соответствовало духу нового времени вызывающе, декоративно, сгущая
таинственность.

Искусство настаивало на пронизанности собою всего образа жизни людей высшего
класса. Образ впечатывался в сознание, мистически преследовал. Арт нуво, пришедшее из
Европы, трансформировалось в национальном стиле, адаптировалось в российской окраске
темперамента.

Прекрасная, однако не оставляющая сомнений в своей сугубой избранности эпоха.

Странно звучит, когда вспоминаешь, что десятилетие взорвано поражением в русско-японской войне и революцией в том же 1905 году.

Но в России что же странно? На долготерпимой странности все и держится...

У эпохи той – точный пластический язык, чего теперь нет нигде, кроме большого спорта. Великий волейболист Владимир Шагин сказал мне когда-то с гордостью, что в их игре нет ни одного движения из обыденной жизни.

Но только ли в их игре?

Спорт XX века и в мире, и в России, какое-то время лубочно протоколирующий барскую, а не промысловую охоту, конные скачки и кулачные бои, все более и более обособлялся пластически, являя зрелище, основанное на законах гладиаторской драматургии в узде гуманных, но условных правил, отсрочивающих «гибель всерьез».

Драматургия спорта замкнулась на результате, требующем сверхусилий, требующем доведения до совершенства приемов их осуществления, в просторечии – техники, которая до неузнаваемости преобразовывала любой бытовой жест.

Спорт становился антитезой тому невольному занудству, которым оборачивалось чистое эстетство.

Спорт, всегда внутренне тяготеющий к элитарности, спасала грубая осязаемость результата, с одной стороны.

С другой стороны, увлекательность соревнования из фабулы превращалась в сюжет – то есть «розыгрыш очка» становился психологической драмой, когда на карту ставилась честь, в том числе и государственного флага.

И проникновение в суть спортивного соревнования предполагало теперь глаз не менее наметанный, тренированный, искушенный, по-своему никак не менее эстетически чуткий, чем у театрала, меломана, балетомана или ценителя различных направлений в живописи и архитектуре...

В конце XIX века Лев Толстой выступил со статьей «Что такое искусство?», где все новшества осудил за незаземленность в конкретной пользе человека. А балет он еще раньше назвал «гадкой глупостью».

Боюсь, что заядлый наездник, велосипедист, шахматист и городошник Лев Николаевич профессиональный спорт не воспринял бы, не принял. Но цирк же он не осуждал, не отрицал, а как можно было работать на арене по-любительски?

Цирковая арена, между прочим, превращалась в спортивную гораздо легче, чем что-либо другое.

Да и самый, пожалуй, популярный в начале века спортивный жанр был неотъемлем от цирковых традиций.

3

Блок? «Незнакомки, дымки Севера»... Или уж куда ни шло: «По вечерам, над ресторанами...»

Нет, все-таки уж лучше Куприн. Но про Александра Ивановича в этой связи разговор особый.

А в том контексте, в каком коснулись мы эстетических особенностей начала века, безусловно, интереснее Александр Блок. В нашем, скорее всего поверхностном, представлении о поэте.

Впрочем, тому, кто читал внимательно Гиляровского (надеюсь, что таких немало), известен и другой Блок. Когда Александр Александрович познакомился с дядей Гиляем, он сразу же сказал ему, что многое использовал из его печатных советов, как развить мускулатуру. «Хотелось быть сильным, – признался Блок, – и я ходил с пудовой тростью, какая была у Пушкина в Михайловском».

И сегодня знаменитые люди часто высказывают различные мысли о спорте – о футболе в основном. И всегда удивляешься плоскости суждений – газетчики с колоссальным трудом выуживают у них общие слова, надеясь, что громкая фамилия вещающего спасет публикацию.

Очевидно, основная работа отнимает у особо важных персон столько интеллектуальных сил, что на размышления о спорте, для некоторых и любимом, но по номенклатуре вроде бы никак не глазном, соображений не хватает.

Блок же, подытоживая десятилетие (первое десятилетие нового века), перечисляя разного рода душевные потрясения, говорит: «Я привык сопоставлять факты из всех областей жизни, доступных моему зрению в данное время...»

В предисловии к поэме «Возмездие» он видит в неразрывной связи с важнейшими событиями и «расцвет французской борьбы в петербургских цирках; тысячная толпа проявляла исключительный интерес к ней; среди борцов были истинные художники; я никогда не забуду борьбы безобразного русского тяжеловеса с голландцем, мускульная система которого представляла из себя совершеннейший музыкальный инструмент редкой красоты».

Вряд ли Блоку не нравились Поддубный или Заикин, хотя и такого варианта не исключаю. Замечал же за собою Лев Толстой странность – никогда ему не нравилось, что имело у публики наибольший успех.

Важно, однако, другое – французская борьба объединяла в увлечении разные слои российского населения. Вероятно, каждый находил в ней что-то близкое себе...

В Киеве выходил журнал «Красота и сила». В названии – ответ на недоумение наше, как в утонченности Серебряного века нашлось место для поклонения физической силе и в среде, где отклик на изысканно прекрасное служил как бы паролем...

И в конце XX века широкое распространение получил культуризм – забота не просто о силе, нужной штангисту или борцу, но и о пропорциях тела, приближенных к античным образцам.

Однако идеология культуристов очень скоро была разбавлена – тех же щей, но пожиже влей – еще более массовым движением «качков».

Как и во времена Гоголя, русский человек умеет одним словом припечатать, обнажая суть явления.

«Качок» – это уже «попса». «Качку» заказан вход в мир прекрасного (да его туда и насильно не затащишь) – он хочет немедленно угрожать и властвовать в общежитии, в быту, хотя обычно подчинен чужим мозгам, по своему усмотрению распоряжающимся мышцами этого тренированного, но все же пушечного мяса.

Последователи доктора Владислава Францевича Краевского, основателя и руководителя петербургского «Кружка любителей атлетики», были эстетами от спорта. Конечно, соревновательный дух был им вовсе не чужд, со всем сюда привходящим, но и с широтой, с пониманием, что высший спортивный интерес на тебе одном не замыкается, как бы ты втайне того ни желал.

Вот как описывает Иван Лебедев (мы еще будем говорить о знаменитом Дяде Ване) пришествие в «Кружок» Георга Гаккеншмидта, будущего чемпиона мира, прозванного впоследствии «Русским львом»: «...встретили мы гостя не особенно дружелюбно. Уж очень ревниво относились тогда к иногородним атлетам. Мы слышали, что Гаккеншмидт выжимает одной рукой шесть пудов, но в других движениях слаб. Когда он стал раздеваться, мы, признаюсь, рассчитывали, что вот-вот “всыплем” атлету из Юрьева. Но лишь только Гаккеншмидт снял рубашку, мы так и ахнули: такой мускулатуры ни у одного из атлетов нам не приходилось видеть. Совершенно без жира, весь рельефный, с бицепсами в сорок четыре – сорок пять сантиметров, с феноменально широкой спиной, покрытой комками мышц, – “новичок”, еще не подходя к штанге, одной своей фигурой побил нас в пух и прах. Он начал выжимание одной рукой с 200 фунтов, – штанга пошла вверх, как легкая тросточка, 220, 240 и... 260 – то же самое.

Это был всероссийский рекорд.

Трудно описать, что делалось в “Кружке”: Гаккеншмидту кричали “браво”, “ура”, его качали... мы уже не завидовали, прямо сознав, что новичок – головой выше всех нас».

А «Русский лев» писал потом о Краевском: «Я могу смело сказать, что за все то, что я приобрел и чем стал, я обязан ему. Это был он, кто учил меня, как я должен жить и тренироваться, и это был он, который вел меня по моему жизненному пути...»

Как бы отражая реальную жизнь (в чем главное отличие его от спортивных соревнований более поздних времен), всякий чемпионат по французской борьбе был намеренно населен самыми разными образами и типами (понятия «имидж» тогда не существовало, но неназванный «имидж», конечно же, создавался каждому из выступавших на арене).

Чемпионаты не обходились без монстров, далеких от проповедуемого Краевским спортивного облика, – и публика любила их странной любовью. Чемпионат требовал разных амплуа – и элемент балагана в нем присутствовал, вряд ли слишком уж шокируя завсегдатаев-эстетов.

Чемпионаты по борьбе, как правило, происходили в Цирке.

Цирк до самых последних времен резонно кичился своей консервативностью. И «обратному адресу» чемпионов – иногда если не сомнительному, то несколько преувеличенному – в цирке верилось охотнее. Цирковой зритель – независимо от возраста, образовательного ценза, интеллекта, наконец, – не защищен от магии гиперболизации...

Но не получалось ли, что спортивная сторона отодвигалась?

А почему бы ей отодвигаться, раз про зрителя не забывали ни на мгновение?

Конечно, «в бур» (по-настоящему то есть) боролись не каждый раз. И «договорных матчей» хватало с избытком. Никакого «гамбургского счета» на самом деле не было – Виктор Шкловский (автор нашумевшей книги под таким названием) потом сознался, что все это придумал.

Однако в придуманное готовы были поверить и сами борцы, прослышавшие про рассказанный в книге эпизод, когда все чемпионы собирались в гамбургском трактире, занавешивали окна – и боролись без всякого подлога, определяя на самом деле сильнейшего.

Конечно, главных чемпионов раскручивали наподобие сегодняшних звезд шоу-бизнеса. Каждый чемпионат объявлялся чемпионатом мира, и в обороте всегда было несколько чемпионов. И эту непрерывность с переменным рейтингом заимствовали в сегодняшнем спорте, в том же теннисе.

Пожалуй, равной по значимости фигурам чемпионов был великий, как бы сказали мы теперь, шоумен Дядя Ваня Лебедев – он конферировал соревнования (предтеча Вадима Синявского), издавал журнал «Геркулес».

Как и положено публичному человеку, Дядя Ваня излишней скромностью не страдал, но ведь и не преувеличивал ничуть, говоря: «К сожалению, не мог изобрести телефона и телеграфа, но зато изобрел первую “черную маску” в России, Святогора, Дядю Пуда, Сарикики, Ивана Каина, Авеля и еще целый ряд других “живых аттракционов”».

С костюмом всероссийски популярный Дядя Ваня тоже угадал стопроцентно – выходил на арену в поддевке и студенческой фуражке: остроумнейший реверанс «электорату».

Представления, то бишь чемпионаты, шли под музыку, подчеркивающую лихость выдумки, когда вместе с действительно выдающимися борцами на парад выходили и «живые аттракционы»: Святогор (его преподносили как супервеликана, хотя атлетизм борца был в достаточной степени бутафорским) или невообразимо толстый «Дядя Пуд» («На бенефис входит в клетку к диким зверям, которые при его виде падают в обморок», – патетически серьезно провозглашал Дядя Ваня, а оркестр исполнял «По улицам ходила большая крокодила...»).

Но для кассовости – а чемпионаты Дяди Вани были самым кассовым в тогдашней России зрелищем – требовался и своего рода «гамбургский счет» – на публике, разумеется, и счет этот был в пользу истинных гигантов борьбы: Клемента Буля, Ивана Шемякина, Ивана Заикина, Николая Вахтурова... И в ряду премьеров оказывался свой лидер: победитель чемпионатов в Петербурге и в Париже, названный в иностранной и русской прессе «чемпионом чемпионов», Иван Поддубный.

В турнирах сильнейших мог попробовать свои силы и любитель. Обычно вне конкурса и под «черной маской», дабы не компрометировать себя в глазах сослуживцев.

Под «черной маской» дебютировал выпускник Военно-медицинской академии Александр Петров. На турнир профессионалов он записался, когда уже не имел себе равных среди борцов-любителей, среди петербургских атлетов, выступавших в категории до девяноста килограммов. Петров тренировался в Атлетическом кабинете Лебедева, где и встретился на ковре с голландским чемпионом Ван-Риллем...

В книге «Борцы. 375 портретов “гладиаторов наших дней” с краткими характеристиками» Дядя Ваня живописует голландца: «Весь соткан из мышц. Силен не менее, нежели ловок, а ловок, как редкий из борцов. В 1908 году был причиной повальной эпидемии в Москве: все дамы сделались “ванрилистками”. Выше всего на свете ставит государственные ассигнации – особенно крупные».

В кабинете Лебедева Ван-Рилль решил немного поразмяться – и сильным рывком вывихнул плечо одному из Дяди-Ваниных клиентов. Будущему профессору медицины бесцеремонность иноземного гостя не понравилась – и он вызвал Ван-Рилля на поединок. Петров трезво отразил каскад приемов чемпиона, а когда сам перешел к атакующим действиям, сразу поставил голландца на мост и сломил сопротивление любимца дам достаточно быстро.

Через год граф Рибопьер (учредитель Санкт-Петербургского атлетического общества, проводившего чемпионаты среди любителей) финансировал поездку четырех российских борцов (и в их числе Александра Петрова) на Олимпийские игры в Лондон.

Григорий Иванович Рибопьер – с молодости отменный наездник, отчаянный конькобежец (перепрыгивал, скатываясь с ледяной горы, десяток стульев) и щедрый меценат. Наш конский (так тогда говорили) спорт ведет свою историю с азартного увлечения графа. В борьбе он тоже не последний человек – в его манеже начинали тренироваться Иван Поддубный и Георг Гаккеншмидт.

Команду российских борцов в Лондоне возглавил давний друг Григория Ивановича Эжен де Пари, обучавший некогда французской борьбе Ивана Поддубного. Иван Заикин в своих мемуарах вспоминает друга Рибопьера с большой симпатией.

В Лондоне, однако, Эжена де Пари встретили неприветливо как профессионала – и он от растерянности выглядел в административных делах совершенно беспомощным. Но как тренер и преподаватель был на высоте.

Александр Петров, по свидетельству журнала «Геркулес», обратил на себя внимание удивительным знанием приемов, что как нельзя лучше сочеталось в нем с большой физической силой. В финал он вышел, сломив англичанина Гумфрея (тот резво бегал от него по ковру все двадцать минут) и венгра Пайера.

В день финала тяжеловесов в Лондоне, как пишут в «Геркулесе», «жара стояла смертельная, воздух казался раскаленным». Венгр Вейс был гораздо тяжелее Петрова. Они боролись в общей сложности пять-десять минут – и Петров никак не мог перевести массивного соперника в партер. Один раз, уже падая, Вейс захватил руку русского борца и высвободился. Затем Петров, производя захват головы противника, сам оказался на две-три минуты в партере. И судьи по результату двух схваток отдали предпочтение Вейсу. А Петров стал серебряным призером.

Поездку на лондонскую Олимпиаду доктор Петров использовал для изучения системы физического воспитания в Англии.

По обыкновению выдающихся спортсменов тех времен олимпиец выделялся в большинстве из развиваемых в России дисциплин. Петров завоевывал призы в соревнованиях по гимнастике, плаванию, конькам, лыжам, гребле, легкой атлетике, фехтованию, велосипеду...

4

Сегодня, когда для нас уже все измеряется футболом – и с ним одним, независимо от качества игры или таланта игроков, сопоставляется, – ни за что не поверишь, что футбол как будущее народное зрелище дебютировал на треке: на газоне в кольце велосипедной трассы.

И велосипед – велосипедный спорт – великодушно подставил ему свое натруженное гонками плечо для поддержки, для протекции.

Велосипедному авторитету верили безоговорочно. Ключ к пониманию населения начала века, к возможностям его энергетики – в повальном увлечении велосипедным спортом.

По высказыванию, приписываемому Хемингуэю – великолепно, между прочим, описавшему соревнования на парижском треке, – спорт учит если не всему, то очень многому. (И сейчас, по-моему, тоже, только никто не хочет ничему учиться, ничего усваивать: уж из уроков спорта точно.)

И в частности тому, что, не нужно уж слишком слепо верить пословицам и поговоркам – в них прежде всего штампы мышления.

Допустим, твердят: не изобретайте велосипеда. А почему, собственно? В мире около шестнадцати тысяч патентов, закрепляющих изобретение всяческих новшеств и усовершенствований как раз к велосипеду.

Велосипед и сегодня скорее всего позволил бы нам своеобразно тестировать характер сограждан. Только некому этими исследованиями заниматься.

Велосипедный спорт – это сюжет соотношения спорта с бытом, где можно мирно и неторопливо крутить педали, при желании отождествляя себя с теми, кто мчится с почти автомобильной скоростью по шоссе или головоломно накрывается, вписываясь в трековый вираж...

Когда-то знаменитый боксер Николай Федорович Королев, носившийся после завершения карьеры с идеей открытого ринга, где проявлялись бы таланты из толпы, сокрушался, что многие входят в огражденный канатами квадрат в тех же майке и трусах, что носят под рубашкой и брюками: «Это что же получается: дерутся в белье?»

Но дальше происходили метаморфозы: в пижамы, наоборот, превращались тренировочные костюмы, а недоступный обыкновенным смертным фирменный спортивный «прикид» – в рабочую одежду бандитов-боевиков.

Спорт в быт, быт в спорт – тема, которую опять же некому разрабатывать.

Но положение об автономии пластического языка спорта остается в силе. И езда на велосипеде – в какой-то мере общедоступное введение в языкознание. Как, впрочем, и езда в незнаемое, подобно поэзии...

Велосипедный бум сначала – еще в XIX веке – узнала Франция. Потом уж он пришел в Россию, открывая спортсменам окно в Европу: в ту же Францию и в Англию.

В России спортивный велосипед из подражания иностранцам некоторое время называли «би-циклом» (а велосипедный журнал соответственно «Циклистом»).

Царскосельский «Кружок» командировал Михаила Дьякова в Лондон – посмотреть, что там делается. Но Дьяков экскурсией-изучением не захотел ограничиться. Принял участие в чемпионате Англии, проходящем в разных городах, и выиграл его на нескольких дистанциях. Англичане не скрывали восторга – Дьякова именовали «королем педали», «первым ездоком Севера». «Циклист» процитировал английский велосипедный журнал «Сайк-линс», заявивший, что от рекорда Михаила Дьякова в часовой езде «весь мир содрогнется». Дьяков превысил достижение француза Эдуарда Батиата и ехал быстрее, чем другой знаменитый российский гонщик Сергей Пурисев, ведомый мотоциклом.

Среди велосипедистов начала века сложилась никак не менее выдающаяся компания звезд, чем в чемпионатах по французской борьбе.

Безо всякого телевидения и радиорепортажей спортивная Россия бредила именами Алексея Бутылкина, Александра Паншина и велосипедистов, ставших конькобежными чемпионами (долгое время коньки и велосипед считались единой специализацией, великолепно дополняя друг друга как зимний и летний жанры): Николая Седова и Николая Струнникова.

И, конечно, Уточкина.

Сергея Уточкина из Одессы.

Он выделялся в этой компании, как среди борцов Иван Поддубный. Уточкин и в те времена сумел выделиться разносторонностью интересов – яхты, автомобили, самолеты, плавание.

И еще – артист, хотя недоброжелатели, намеренно сужая его творческий диапазон, спешили отнести Сергея Исаевича к буффонам, клоунам.

Он показывал захватывающие номера на велосипеде марки «Крипто», где одно колесо большое, а другое маленькое. Он ездил по одному рельсу конки – устраивал гонки по этому рельсу (шириной в пять сантиметров).

Кстати, повторить фокусы Уточкина с джигитовкой на рельсе смогли только через много лет – Анатолий Павлов (абсолютный чемпион СССР по конькобежному спорту) в начале пятидесятых годов и уже в восьмидесятые: чемпион московской олимпиады в спринте туляк Сергей Копылов...

Уточкину неприятны были упреки в клоуничании.

Он стремился доказать, что он в первую очередь спортсмен. И он рвался к поединку с москвичом Алексеем Бутылкиным, уже замеченным на Промышленной выставке в Париже.

Гонка между Бутылкиным и Уточкиным происходила в Сокольниках. Впервые при электрическом освещении.

Журнал «Циклист» описывал с удовольствием ошеломление пассажиров империала (верхний «этаж» конки), увидевших яркое свечение в ночи ламп дневного света над сокольническим треком...

Сторонники Бутылкина опасались «клоуна из Одессы» и накануне позаботились напоить легковверного и романтичного Уточкина. При том, что фаворитом был Алексей – после ухода Дьякова он считался лучшим российским велосипедным гонщиком.

Уточкин, однако, показал себя отличным тактиком.

В отличие от Дьякова, предпочитавшего сразу же уходить вперед (как впоследствии на стайерских легкоатлетических дистанциях Владимир Куц), Сергей Исаевич держался некоторое время в тени, но за полтора круга до финиша предложил спурт, непосильный для фаворита.

Уточкин «рвал» Бутылкина на всех соревновательных дистанциях. Одессит видел себя лидером жанра, он говорил: «Моя цель открыть путь русским циклистам в Париж».

Но широчайший круг интересов, конечно, не мог ему позволить целиком сосредоточиться на велосипеде...

В конце десятилетия «Вестник спорта» хоронил на своих страницах велосипедный бум. Констатировал, что «этот симпатичный вид спорта» перестал интересовать публику. Точнее, интерес к велосипеду стал смещаться из столиц на периферию...

Велосипеду как спортивному жанру, вероятно, претит суета, рассеянное внимание. Он предпочитает, скорее всего, быть единственным ребенком в семье, когда его странности встречаются с пониманием, без малейшего раздражения. Российские чемпионы в дальнейшем чаще всего происходили из относительно небольших городов. Таких, как Тула или Ногинск... Исключения, конечно, тоже бывали.

5

Все главное о спорте начала века мы узнаем все-таки от классиков, ни в какие спортивные писатели не записывающихся и даже не строящих из себя особых знатоков спорта.

«...Промелькнул велосипед бесшумным махом птицы», – пишет Бунин. И поэтика велосипедного поколения очевидна для нас.

О конном деле, конном спорте написаны сотни увлекательных страниц фанатичными знатоками. Но миру дано запомнить состояние Алексея Вронского перед скачками, отвлечение, необходимое отвлечение мыслей от происходящего между ним и Анной – и возвращение к ним с энергией, напряженной предстоящим соревнованием, возможным первенством на людях, знающих о сумятице его частной жизни...

Или Левин на катке накануне первого – неудачного – предложения, сделанного им Китти...

Спорт снова представлен Толстым через энергию чувства. Брат Китти приветствует Левина как «первого русского конькобежца». А Левин видит бравярующего офицера, спускающегося на коньках по обледеневшим ступенькам лестницы с папиросой в зубах, – и мгновенно понимает: «А...

новая штука». И немедленно рвется повторить ее на глазах семьи Щербацких – и повторяет...

Можно бы, вероятно, использовать эпизод из «Анны Карениной» для исследования того, как сочетались в общем интересе к зимнему спорту тяга к скоростному бегу на коньках со страстью к исполнению замысловатых фигур.

Правда, начала фигурного катания, может быть, и не требовали темперамента, равного левинскому...

Мы горды своим первым олимпийским чемпионом в фигурном катании Николаем Паниным-Коломенкиным – и не хотим помнить о том, что он первенствовал в жанре, когда тот существенно отличается от тех образцов, какие вызывали бум в СССР танцевальной акробатики на льду, какая культивируется и обогащается спортивной сложностью по сей день.

Начнем с того, что Панин стал чемпионом не зимней, а летней Олимпиады. За границей были искусственные катки и в начале века, а мы и сегодня объясняем их малое количество в нашей стране долгой зимой.

Тем не менее фигурное катание у нас по-прежнему в чести. И смело можно говорить об отечественной школе, о великих тренерах: Жуке, Чайковской, Тарасовой...

Но в пору Панина фигурное катание было довольно скучным занятием – и не огня, не темперамента жаждало, а сугубой педантичности, необходимой для строгого вычерчивания геометрических фигур на льду.

Панин, по второй своей специализации – великолепный стрелок (многократный чемпион России), естественно, обладал громадным терпением – качеством, не последним для человека, претендующего на место в истории (и не только спортивной).

Соперниками российских конькобежцев на скоростной дорожке стали спортсмены из стран, где зима была такой же долгой, а культ зимних дисциплин естественным.

Весь скандинавский мир боготворил Оскара Матисена – и призами в его честь до сих пор премируют лучших конькобежцев. Но русского конкурента Матисена признание и таланты великого норвежца никогда не смущали.

Николай Струнников, прозванный «славянским чудом», бил в конце десятилетия «конькобежного короля на всех дистанциях», отняв мировое первенство.

Вообще-то русских конькобежцев, скажем, Сергея Пурисева или будущего доктора Николая Седова, знали за рубежом – они участвовали в чемпионатах мира. Кроме того, чемпионаты мира в 1896 и 1903 годах проходили в Петербурге. Но истинную силу россиян скандинавы поняли по-настоящему после состязаний с Николаем Струнниковым. Николаем Василис-ковичем – редкое отчество русского чемпиона мало кто знает: в энциклопедическом словаре ограничились сокращением Ник. Вас. – и все решили, что он «Васильевич».

Для прогресса скоростного бега на коньках очень многое значило соперничество Струнникова с Николаем Седовым. Они выступали недолго, но их влияние ощущали на себе все последующие чемпионы.

Струнников обычно сникал без настоящего соперничества. Безусловное лидерство ему быстро наскучивало. Победы за явным преимуществом не вызывали у него азарта...

6

К фактам, имеющим для него «один музыкальный смысл», Александр Блок отнес и авиацию, точнее, всероссийскую на нее моду.

Сейчас авиацию все реже относят к чистому спорту, а если быть откровенным, и вообще не относят, что совсем уж неверно, поскольку в первую очередь спортивный интерес владеет всеми авторами усовершенствований и теми, кто испытывает эти усовершенствования, утверждая их жизнеспособность постоянным риском собственной жизни. (Трудно к тому же вообразить испытателя без спортивного прошлого, о чем эти люди всегда любят вспоминать, как, например, Марк Галлай, никогда не упускавший случая рассказать о своих занятиях боксом в юности.) Но и сейчас, когда спортивную сторону авиации относят к самым ранним полетам, я задумываюсь о тех, кто в начале века болел авиацией, болел за авиацию. И не уверен, что можно этих людей совсем уж отождествлять с публикой, увлеченной спортом на его заре.

Авиация начала века – народная страсть. Какой позднее стал футбол. Или хоккей – до определенной поры...

Но народная страсть – в случае с авиацией – это еще и не очерченная строго аудитория. Действительно, народ, большая, может быть, и лучшая часть населения страны, которой и

нет необходимости становиться завсегдатаями стадионов, трибун. Поскольку арена – открытое всем небо. Тем более что первые полеты, принесшие летчикам-пилотам наибольшую популярность, происходили не особенно высоко.

Впрочем, всенародная популярность выпала Громову, Чкалову, летавшим уже на военных машинах, но все же не на сверхвысотных, не на реактивных...

Перелеты Громова и Чкалова в тридцатые годы именовались рекордными и фиксировались спортивными комиссарами. Но авиация была уже рекрутирована в большую политику, а то, что по линии ДОСААФ, проходило по менее героическому разряду чемпионов мира, – авиаторов знают несравнимо меньше, чем футболистов, на этот титул и не посягающих...

Блерио в начале века перелетел Ла-Манш. И в его рекорде была своя идеология. В нем были и сбывшиеся для кого-то мечтания, связанные с новым веком, а для кого-то – и несбывшиеся: кто о чем мечтал.

Великий художник Модильяни одно время очень интересовался авиацией, дружил с авиаторами.

А потом разочаровался в них, заметив, что они – «обыкновенные спортсмены».

«Чего же он ждал от них?» – удивлялась Ахматова.

Но людей искусства долго еще привлекали те, кому знакомо ощущение высоты, недоступное остальным людям...

Жажда разделенных с пилотом ощущений привела к участию в тогдашнем воздухоплавании Александра Куприна. Сначала он «примкнул» к Заикину. Они дружили – жизнь борцов всегда привлекала к себе Куприна. Он считал, что владеет приемами, и на одной из тренировок просто потребовал от Заикина, чтобы тот с ним не церемонился, воспринимал как коллегу. Александр Иванович был крепок от природы и в кадетском корпусе хорошо шел по гимнастике. Но от проведенного Заикиным захвата на мгновение лишился сознания.

Можно было бы и не упоминать про этот эпизод. Однако у читавших рассказ Куприна «В цирке» не может возникнуть сомнений, что автор знает о цирковой борьбе все.

Полет с Заикиным закончился аварией, но тяги к отношениям с авиацией у писателя не отбил. О подробностях продолжения этих отношений мы знаем из его же очерка о полете уже с Сергеем Уточкиным.

При всем уважении к Заикину сравнивать его с Уточкиным – нелепо.

Уточкин вносил в аппарат, как тогда говорили, новшества, совершенствовал модель. Ну и опыт пилотирования был несопоставимо большим, чем у знаменитого борца. Он как-никак участвовал в первом междугородном перелете Петербург – Москва...

А Куприн в «Потерянном сердце» ввел элемент ощущения в координаты всех прочих знаний жизненных реалий и, главное, фантазии, глубже всего проникающей в человеческую психологию...

7

Иван Поддубный, Сергей Уточкин... Теперь бы про них сказали: знаковые фигуры...

Знаковые так знаковые. Однако их судьбы передают время, ни разу не затоптавшееся в XX веке, судорожно рвущееся маршрутами зигзагов, уходящее, как почва из-под ног.

Но внешне в Поддубном оно – как в старых, скорее всего, башенных часах, а в Уточкине – как во взбесившемся секундомере.

Иван Поддубный жил долго, застал советские времена и, ничем себя не скомпрометировав, вошел в галерею фигур канонизированных...

Спортивные летописцы выстроили ему жизненную историю, в общем, бесконфликтную. Для публики он рисовался как былинный богатырь, а в богатырской судьбе обычно не остав-

лялось места для психологических нюансов – все изображалось крупными мазками, полутонов не требовалось.

Историческая тема из советского кинематографа никогда не уходила – и для персонажей фильмов был изначально изготовлен трафарет, в рамках которого талантливые артисты иногда и чудеса творили, создавали нечто запоминающееся из ничего.

Иногда, однако, и очень знаменитые исполнители ролей в биографических картинах оказывались бессильны...

Сценарий фильма о Поддубном предложили написать Николаю Погодину. Опытный Погодин сразу понял, что из официальной биографии борца он мало что выжмет, и предложил драматургический ход: свести его в сюжете с никак не менее знаменитым цирковым артистом, клоуном и дрессировщиком Дуровым.

То есть возникала следующая расстановка сил: как бы два клоуна – белый и рыжий.

И, конечно, белым – правильным и скучноватым – выпадало быть Поддубному. Он борется и поднимает гири, а Дуров шутит (репризы из старого цирка служили своей службой и в советские времена).

Фильм взялся снимать известный комедиограф Константин Юдин («Сердца четырех»). На главные роли он пригласил Станислава Чекана из Театра Советской Армии и Александра Михайлова из МХАТа. Оба – актеры популярные, но с не вполне задавшейся на то время судьбой в кино.

Чекана, как правило, использовали в качестве эдакого уцененного Бориса Андреева – точнее даже будет сказать: того Андреева, которого режиссеры бесхозяйственно тратили, используя наиболее элементарную грань его дарования, эксплуатируя в основном богатырский облик. И в роли Поддубного Чекан надеялся хоть сколько-нибудь расширить свое киноамплуа (в театре-то у Алексея Попова он играл ведущие роли).

Михайлов же, прославившийся в «Двух капитанах», тоже жаждал уйти от устоявшейся репутации.

Юдин погиб на съемках, репетируя с лошадью, которую по сюжету дрессировал Дуров. Картину доделывал выдающийся режиссер Борис Барнет (он снял классический фильм «Окраина», но страна его больше знает за «Подвиг разведчика»).

Человек могучего сложения, в молодости спортсмен, боксер, заставший Ивана Максимовича на арене, он много возился с Чеканом, желая из штампованного увальня-простака сделать нечто вроде российского Тарзана (не найду лучшей параллели) – и увести от лубочной былинности...

Фильм все равно получился малоудачным, но по телевидению и до сих пор идет, поэтому другого Поддубного у нас пока нет. С артистом Чеканом много занимался чемпион мира Александр Мазур (кстати, встречавшийся с Поддубным на ковре) – и сцены борьбы выглядят правдоподобно.

Рыжий заика Сергей Уточкин всей рефлексивно-мятежной натурой своей близок был миру искусств. Он и Куприным описан, и Гиляровским. И в дневниках Ивана Бунина за 1905 год есть запись: «Уточкин, – знаменитый спортсмен, – при смерти: увидел на Николаевском бульваре, как босяки били какого-то старика-еврея, кинулся вырывать его у них из рук... “Вдруг точно ветерком пахнуло в живот” – это его собственное выражение. Подкололи его “под самое сердце”».

Но тогда Уточкин выжил.

У Юрия Олеши (одессита) есть странный рассказ, основанный на детских впечатлениях, когда потерял он цепь с чужого велосипеда, и в поисках того, кто спас бы его в неприятней-

шей ситуации, встречается с Уточкинским, который впопыхах (он мчится с друзьями на автомобиле) не разобрался в случившемся, но все равно сразу встал на сторону чувствующего себя несчастным ребенка...

Сергей Исаевич Уточкин скончался в сумасшедшем доме за год до Октябрьской революции. Ему было всего сорок лет.

В советском фильме, сделанном на Одесской студии и посвященном Уточкину, ни о каком сумасшествии, разумеется, не могло идти речи.

Бравого супермена играет Олег Стриженов, и единственная дань реальности – рыжий цвет волос актера. Играет Стриженов хорошо, но не про то – что, конечно же, не его вина. Он играет по сценарию, где вроде бы и нет противоречия фактам жизни: спортсмен, механик, благородный человек... Но что-то главное пропало.

Киноистория Сергея Уточкина начинается, впрочем, не фильмом Одесской студии.

Борис Бабочкин с определенного момента тяготился славой, принесенной ему ролью Чапаева. Один из крупнейших актеров современности, видный режиссер, поставивший примечательные спектакли из репертуара русской классической драматургии, мастер, с большим успехом работавший на подмостках разных театров, он не мог не надеяться, что будет в его судьбе и кинематографический образ, который потеснит Василия Ивановича в народной любви. Ему необходим был персонаж-миф, обжитый талантом прославленного актера с той же личной достоверностью.

В сороковом году начались съемки по сценарию, увлекшему Бабочкина. Он играл Уточкина последних лет жизни – умирал он, правда, опять не там, где умер на самом деле. Несчастье случилось с ним на набережной Невы – и по-киношному эффектно. Но в остальном замечательный артист резко отходит от канонов тогдашних оптимистических трагедий. И начальство усмотрело в этой работе ненужную предвоенному обществу рефлексии. Фильм прервали в производстве.

Неудачнику, каким считал себя редко встречавшейся понимание Уточкин в жизни, не повезло и здесь.

Как не удалось уйти от Чапаева Борису Бабочкину.

8

Общеизвестен и множество раз обыгран тот факт, что немедленной популярностью в России (даже в советское время, прежде всего в России) канадский хоккей обязан футболистам, к тому времени всенародно почитаемым.

Игру с шайбой сразу же приняли как свою, раз состязались в ней известнейшие футболисты, год назад победившие англичан у них на родине (и во всемирной силе отечественного футбола никто из нас тогда не сомневался).

А футбол обязан популярностью велосипеду, занимавшему в XIX веке такое же место в жизни, как футбол в XX-м...

Спорт в сегодняшней понимании к нам ввезли, как картошку, только насаждать его не пришлось – прижился без насилия.

Правда, один-единственный спортивный жанр процветал и прежде – конные скачки. Они очень долго – вплоть до Октябрьской революции – оставались вне конкуренции.

Конечно, в стране не спортивной по сути ее национального характера никакие заимствования не получили бы развития. И уж тем более собственной психологической и всякой прочей окраски.

Французская – по приемам – борьба развивалась в русле балаганной лихости и отваги, необходимой в российском быту.

Велоспорт, велогонки – привет из цивилизованного мира. Но все-таки всегда уместным было воспоминание о том, что первый велосипед в России изобрел крепостной.

Ефим Артамонов в 1801 году совершил на своем самокате путешествие из Екатеринбурга в Москву. И бицикл бициклом, но при случае имя «самокат» включали в спортивный обиход.

Велосипед при желании и с конем можно сравнить, и гонку скачке уподобить – первые российские велосипедисты весьма увлекались вольтижировкой. Искали, словом, опоры в более привычном и традиционном спортивном сознании.

Но вот футболу никакого аналога не находилось.

Не лапту же вспоминать?

Выручало уважение к занятиям иностранцев. И скрытый юмор при взгляде на жизнь их в дикой России.

Английский газон на российской почве стоило сеять, а затем тщательно и упрямо подстригать лишь в случае, если иностранцы рассчитывали жить и работать здесь долго.

А раз долго, то без футбола не прожить.

И вряд ли англичане предполагали послужить российскому футболу, в чью возможность, вероятность не имели и малейших оснований верить.

Но вот ведь послужили, поспособствовали, увлекли...

В том футболе, что англичане к нам завезли, все решала физическая сила. В сущности, нам проповедовали регби.

Воспоминание о первых матчах – грубость и увечья. Можно пошутить, что сто лет прошло, а картина – сходная. Столько всякого разного прошли, чтобы вернуться к тому, с чего начали. Грустно. Но ведь и к высокому артистизму приучили, и теперь его жестокостью враз с поля не выгонишь.

Показательный матч футболистов состоялся в перерыве между заездами на Семеновском велодроме в Петербурге. Суровая, костоломная игра имела и неожиданный комический эффект – господа спортсмены, бегая по грязи в белых костюмах, то и дело шлепались со всего размаху в грязь и вскоре выглядели трубочистами.

Вот это упоминание о белых костюмах, как деталь, дорогого стоит.

Смех смехом, а победили белые костюмы, вернее, спортсмены, которые уже привыкли в них облачаться.

Спорт уже стал аристократичным.

Пройдет время, и аристократичность начнут из него вытравливать. Но в первом десятилетии века многое решала принадлежность спорта привилегированному классу.

И это не закрывало в него дорогу талантам из народа – напротив, в спорт стремились и приходили, как Ломоносов в науку...

Англичане своей откровенной грубостью подзадоривали – в близости к мордобойу русский человек чувствовал себя поувереннее, от футбольной площадки веяло чем-то родственным, родным.

И англичане-футболисты не были хулиганами – просто прошли школу регби, незнакомаго россиянам. Когда русские игроки втянулись в футбол и матчи приняли международный характер – раскладка сил на поле стала несколько иной. Газетчики отмечают большую физическую крепость своих футболистов против недостижимой пока ловкости англичан.

Под ловкостью надо понимать специальную тренированность в обращении с мячом – то, что позднее назовут техникой.

Русские игроки изучали футбол в партнерстве и в соперничестве с англичанами. Новички в футболе, они, однако, были опытными спортсменами. И происходило то же, что и с канадским хоккеем, – иностранная игра приспособлялась под свои козырные достоинства. В хоккее, допустим, довольно долго противились силовым приемам, а теперь вот и в футболе без них не обходится.

Историки футбола много говорят про артистизм и темперамент, привнесенный латиноамериканцами в английскую модель игры. Но почему-то забывают про самостоятельность русских игроков, принявших английскую манеру с большими и существенными оговорками. В общем-то понятно, почему забывают, – уже во втором своем десятилетии наш футбол надолго изолировался от мирового...

9

Сначала было слово... Ну, может быть, не совсем сначала – слово и дело спортивное существовали параллельно, одновременно. Во всяком случае, спорт без своей прессы ни дня, пожалуй, не прожил. Россия уже привыкла к газетному слову и не могла принять (не говорю понять) явления, не отражаемого регулярно в печати.

И то, что заметка, заочно знакомящая русского читателя с футболом, появилась в разделе «Игральный спорт» (освещавшем шахматы и карты) журнала «Охотник», очень в характере тогдашних направленности и восприятия...

Танцевать следовало от чего-то знакомого, как печка.

Охота – никак не меньшая энциклопедия русской жизни, чем «Евгений Онегин». И со всеми более поздними спортивными жанрами она органично связывается. Знаменитые футболисты братья Старостины были сыновьями царского егеря. Откуда и порода, откуда и здоровье. Похоже, что породы и здоровья природного российским спортсменам хватило до Олимпиады-56.

Дальше самородки встречались совсем не часто, а сегодня их, пожалуй, и вовсе нет.

Экология – во всех смыслах – тому объяснение.

Постоянным клиентом егеря Петра Старостина, между прочим, был богат Василий Прохоров – один из первых авиаторов, летавший на собственном «Фармане». Андрей Старостин вспоминает, что Прохоров подарил отцу снимок с надписью: «И в Сибири люди жить привыкают...» На снимке – разбитый аппарат вверх колесами, а возле аэроплана стоит миллионер-летчик вместе с авиаторами Ефимовым и французом Пэгу...

Старейшим среди спортивных журналов был коневодческий – по рангу в спортивной среде. Как до последних времен «Новый мир» в литературной. Некоторое время его редактировал Гиляровский – и в мемуарах пишет, с какими уважаемыми людьми сводила его (его-то, и безо всяких журналов знавшего всех примечательных людей России) работа в спортивном издании.

Конечно, особняком стоял журнал Дяди Вани, «Геркулес», сохранявший колорит личности издателя. И, конечно, в нем публиковался Александр Куприн.

Память о велосипедном буме – в подшивках велосипедных журналов: их в России издавалось едва ли не с десятков: «Циклист», «Велосипедный спорт», «Велосипед», «Самокат»...

Суворинское «Новое время» много писало о спорте, в основном с издевкой, не считая за серьезное дело... И критика давала дивиденды – русский человек внушаем, но и недоверчив.

Понятие «спорт» вбивалось в буйные головы с азартной (один журнал, кстати, так и назывался «Азарт») настойчивостью: «К спорту» (замечательное издание, от него и сегодня не оторвешься – рассматривая следующее десятилетие, мы наверняка обратимся к нему подроб-

нее), «Русский спорт», «Атлетика и спорт» (тоже журнал Дяди Вани), «Спорт и наука», «Спорт и здоровье», «Спорт и жизнь», «Спорт и личность», «Спортивная жизнь», «Спортивное слово»...

Уважением пользовался журналист-летописец, провозглашенный «Нестором российского спорта» – Георгий Дюперрон, известный и как секретарь петербургской футбольной лиги и Всероссийского футбольного союза...

В семидесятых-восемидесятых годах у нас наряду с весьма содержательным журналом «Театр», где сотрудничали лучшие критики, котиrowался (особенно в провинции) тонкий журнальчик «Театральная жизнь», редактируемый Юрием Зубковым, осуждаемым интеллигенцией за верноподданничество и черносотенность. Чем же брала «Театральная жизнь»? Да только тем, что постоянно печатала сообщения обо всех спектаклях во всех театрах, приводя полный перечень занятых в них артистов, фамилии режиссеров, художников, бутафоров и прочих, никого не забывали.

Подобная память и внимание к рядовым участникам действия отличали и спортивные издания начала века...

Глава 2

Десятые годы

Если очень кратко, не повторяя уже сказанного (и справедливо, к сожалению, на века сказанного) великими о России, выразить происходящее с большинством из нас в этом конвульсивно завершившемся столетии, то иных слов, кроме «мучаемся», и не подберешь.

Мучаемся в истории, а не живем на земле, уже эдак девять десятилетий...

Идеология отнявшей у нас XX век власти заставляла жителей России и стран, к ней присоединенных, считать наибольшим везением, что ежедневность, ежеминутность, ежесекундность их быта принадлежит истории.

Вполне можно допустить, что привитое господствующей идеологией ощущение обязательной причастности к абстрагированной от прав на самостоятельную частную жизнь истории в той же мере спасло и сохранило одних, в какой погубило других.

И чудом сохранившиеся научились и других научили: не проникаться глубоко судьбой погубленных.

Отсюда гордость недобитых Сталиным старых большевиков, сменившаяся политотдельским, смершевским пафосом бывших фронтовиков.

А они краснознаменным шествием под портретами вождя, похоже, входящего в XXI век не обвиненным солженицынским «Архипелагом», а преображенным апокрифами в остроумно-обаятельного отца и друга, предадут память не вернувшихся с войны.

И не их ли, а не только бездарного начальства, вина, что в той же самой стране, на тех же самых улицах отрабатывают строевой шаг уже под фашистской свастикой спортивно-тренированные юные экстремисты, рвущиеся в спасители России с противоположной стороны?

Чувствую, что вот-вот сорвусь в некорректный тон. Но что же делать? Я из этого же времени. Прожил в нем шесть десятилетий – и другого не видел. Нет у меня образцов и примера объективности.

И я уже не верю, что застану спокойное – без слепой и глухой страсти – объяснение произошедшему с моей страной.

Когда, например, революцию семнадцатого года не только не назовут больше великой, но и катастрофой станут звать с оговоркой, памятуя, что были же и те, кто верил, что она стоит жизни – и своей, и противника. Что массовая жестокость к согражданам может быть как-нибудь оправдана...

Каждое из десятилетий, пережитых страной после 1910 года, характерно прежде всего взрывной, пружинной плотностью, где год, как в тюрьме или на Крайнем Севере, можно считать за два, за три, за столько, сколько вместится. Но по силе сопряжения контрастов-полюсов, по объему разрушительной для сознания и сердца информации, по необходимости губительно существовать в социальной, духовной, эстетической несовместимости втиснувшихся в лопнувшие по швам года эпох, кажется, что второе десятилетие века ни с каким другим не сравнить.

Конечно, одно горячее сравнение само собой напрашивается – с тем десятилетием, с которого оглядываюсь я во времена рождения моих родителей, напрягая фантазию и волю, силясь выбросить из памяти лживые страницы школьных учебников истории и всяческих книг, призывающих все на свете позитивное исчислять от осени 1917 года. Мы тоже за прошедшие

годы прожили, не сразу и не всегда отдавая себе в том отчет, в разных укладах – и перепады, обвалы систем травмировали нашу психику. Но опыт потерь у жителей нашей страны велик, как ни у кого в остальном мире.

Этот опыт – наше главное и единственное достояние. Обмелевший источник жизнестойкости.

1

Революция в своих канунах выглядела скорее маскарадно, чем всерьез зловеще. Красные банты, митинги с красноречивыми ораторами, пение завезенных из Франции «Интернационала» и «Марсельезы». Отречение государя императора в пользу брата Михаила, а затем и отречение брата...

Как все это – скорее зрелище, чем действие – перешло в животный страх арестов и расстрелов в подвалах?

Кто мог изначально предсказать неумолимость подобного поворота в российской истории?

Не левое ли искусство?

Русский авангард – предсказатель катаклизмов: революции и гражданской войны.

Это искусство славilo изменение мира. Правда, предсказать последствия конкретных изменений – и для себя в частности – не смогло и оно.

Напомню, что модернизм 1900-х отличали: округлое завершение линий, усиление эстетизма, сложная гармония, сложный цвет, декоративность, услаждающая глаз в архитектуре, живописи, моде.

Авангард же – крик.

В авангарде превалирует красный цвет. Отсутствие симметрии, резкие футуристические формы.

Словом, чертеж вместо красоты: мир разлагается на различные геометрические фигуры.

С авангардом в искусство и жизнь входила нетерпимость.

Нетерпимость, разумеется, и по отношению к самому авангарду. Александр Бенуа считал, что «футуризм – не простая штука, не простой вызов, а это один из актов самоутверждения того начала, которое имеет своим именем мерзость и запустение».

Едва ли не резче высказывался Дмитрий Мережковский: «Футуризм – это имя Грядущего хама. Встречайте же его, господа эстеты, академики. Вам от него не уйти никуда. Вы родили его, он вышел, как Ева из ребра Адама, и не спасет от него вас никакая культура, – что хочет, то сделает. Кидайтесь же под ноги хаму Грядущему». Самое пикантное здесь, что и Бенуа, и Мережковский процитированы в статье одного из лидеров авангарда, Казимира Малевича, чей «Черный квадрат», обозначающий бездну, пустоту, в которую предстоит заглянуть всем, обнаружив ее и в себе, стал наиболее известным знаком направления. Работы же других выдающихся художников авангарда знают в основном ценители.

Советская власть, распахнувшая по недосмотру свои объятия революционерам от искусства, быстро – к середине двадцатых годов – спохватилась, насторожилась.

Предпочла традиционные направления. Возвеличила Репина, не принявшего новую власть.

Про футуристов – или «будетлян», как называл их Велимир Хлебников, – у нас долгие годы знали лишь в связи с Маяковским. Причем про футуристический – самый оригинально талантливый – период в работе лучшего, по официальному признанию, поэта говорили глухо. В молодости Маяковский с друзьями-футуристами предлагали бросить Пушкина с «корабля современности». Сейчас, похоже, с этого метафорического корабля пытаются бросить, наоборот, Маяковского как назначенного Сталиным классика...

Все повторяется. Уменьшается только масштаб ниспровергателей.

2

В спорте не было и не могло быть явлений, течений и направлений, сейсмографирующих особенности времени.

Но были уже фигуры, символизирующие перепады представлений в глазах несчастных современников.

В фигуре, облаченной в теннисные одежды, различима не эмблема, однако, а конкретный человек – чемпион России граф Сумароков-Эльстон, чей облик так и просится на обложку спортивного календаря за 1913 год.

А вот существуй такого рода календарь за сезоны с 1918 по 1920 год, на его гипотетической обложке уместнее всего было увидеть человека в защитного цвета гимнастерке – первого спортивного руководителя советской страны, начальника Всевобуча, активного участника Октябрьской революции Николая Подвойского.

Сумароков, как и положено настоящему графу, эмигрировал.

Но лаун-теннис, казалось бы, обреченный на ненависть победившего класса как аристократический жанр, продолжался, и турнир по нему на кортах Сокольнического парка выглядел островком ностальгических воспоминаний, оазисом в сметаемой большевиками жизни, «осколком разбитого вдребезги».

И Надежда Тэффи потом напишет, воспроизводя в памяти тот август восемнадцатого года: «Всем хотелось быть «на людях». Одним дома было жутко. Все время надо было знать, что делается, узнавать друг о друге».

Однако под боем (в буквальном смысле) оказывалась сама теннисная аудитория – ВЧК «разгружала» Москву, выдворяя «буржуазный элемент». Поэтому присутствие на теннисных соревнованиях превращалось в пассивный протест новым властям, в диссидентство, говоря более поздним языком.

Независимые газеты закрывались, их имущество конфисковывалось. Но еженедельник «Спорт», несмотря на отсутствие бумаги и дороговизну типографских работ, продолжал выходить: «Интерес к лаун-теннису не только не упал против прежних лет, а значительно возрос... Оживленные лица, изящно-простые костюмы спортсменов, солнечные блики, красиво лежащие на уютных кортах Сокольнического клуба спорта. Знакомые лица: вся спортивная Москва считает долгом отдать дань богу спорта». Мужественный корреспондент «Спорта» не скрывает общих неблагоприятных условий: питание, поездки на редко ходившем трамвае (Булгаков говорил, что в такой ситуации надо бы удивляться тому, что они вообще ходят) и т. д. (под «и т. д.» журналист зашифровал весь ужас торжества победителей).

В отсутствие графа Эльстона чемпионом России по теннису стал артист Художественного театра Всеволод Вербицкий. Нельзя сказать, чтобы новый лидер был человеком совсем уж простого происхождения. Из дворянской семьи, сын модной писательницы. Впрочем, актерство списывало известную неблагонадежность.

А слов Немировича о «настоящей духовной тяге к поэзии» двадцатидвухлетнего артиста, репетировавшего Бертрана в «Розе и кресте» Блока, пролетариат не знал.

Успехи Вербицкого, как и достижения графа, говорят о необычайной талантливости российских спортсменов-любителей.

Напомню, что профессионалы-чемпионы были только среди цирковых борцов.

Профессионализм (до девяностых годов тайный) пришел в отечественный спорт с властью большевиков, став частью идеологического замысла.

Всеволод же Вербицкий – партнер Аллы Тарасовой в знаменитом спектакле Второй студии МХАТ по пьесе Зинаиды Гippiус, которым до конца жизни не переставал восхищаться Андрей Петрович Старостин, – играл в теннис с детства и по таланту, как утверждали знатоки, мог соперничать с Тильденом. Но теннисом дорожил гораздо меньше, чем своим положением в театре, – и своего единственного титула в одиночном разряде мог бы и не завоевать, не лопни у его соперника струны на ракетке, когда вел он в счете 3:0...

Тенниса большевики не отменили – и в чемпионы очень скоро выдвинулись игроки менее высокого происхождения. Но как жанр, на массы не рассчитанный, он все же отодвинулся на периферию внимания, чтобы вновь войти в моду и даже стать игрой государственного значения в последнее десятилетие века.

...На массы не рассчитанный. Массы с первых послереволюционных лет стали священным понятием. Идея, овладевшая массами...

Почему, интересно, здравые идеи ими не овладевают никогда?

Безобразно казенный язык брошюр и книжиц, посвященных первым годам советского спорта, сделал свое дело. Все в них изложенное вызывает отвращение и брезгливость – и ни в один факт вдумываться нет охоты. Хочется, наоборот, скорее перелистнуть эти скучные страницы, сразу перешагнув, например, в описание футбола тридцатых годов или чего-нибудь столь же занятого.

Однако справедливости ради заметим, что Николай Подвойский был человеком на самом деле идейным. И как бы мы к идеям тем ни относились, нельзя не признать, что большевики такого склада к порученному делу подходили как к делу жизни.

Позиция, как бывает в шахматной партии, упрощалась. Власть прореживала общество. От сложности и психологизма намеренно отказывалась. Руководить удобнее одноклеточными – и темы, разумеется, кто готов был таковыми себя представить.

Вместе с тем у большевиков было и благое намерение – относительно, конечно, благое. Отобрав у буржуазии не только материальные, но и духовные и художественные ценности, ими распорядиться, а не уничтожить. Что, правда, случилось в последующие десятилетия.

Двадцатые годы – расцвет театра. Хлеба не доставало – значит, народу следовало дать побольше зрелищ.

Спорт как зрелище в жизнь России уже вошел. Большевики не вполне осознавали его элитарность, но возможности в качестве массового зрелища понять сумели.

Идеологические перспективы спорта вряд ли вполне открывались властям, но что-то им, несомненно, мерещилось. И не случайно спорт возводился декретами в ранг государственной политики.

Под маркой Всевобуча два года подряд проходят парады на Красной площади.

А в двадцатом году по инициативе все того же Всевобуча отмечается Всероссийский день спорта.

Сегодня спорт больших достижений никто и в шутку не отождествляет со здоровьем. Высокая тренированность совершенно не означает, что организм чемпиона или рекордсмена здоров. Ранние недуги и смерти выдающихся спортсменов перестали быть неожиданностью.

Но в начале века здоровье призового атлета кто бы подверг сомнению?

В спорт шли здоровяки.

В спорт шли ради здоровья.

И большевики увидели в спорте программу здоровья в завоеванной ими стране.

Страна с богатырским имиджем понесла серьезнейшие потери. И главные пришлось не на германскую кампанию, а на гражданскую войну, в которой Россия потеряла шестнадцать миллионов. Более четырех миллионов – и, поверьте, не худших, а самых породистых людей, цвет нации, – унесла эмиграция.

Россия остро нуждалась в здоровых людях.

Людях, к тому же готовых к защите отечества, рассорившегося со всем миром. Вот почему первым руководящим и организующим органом физкультуры и спорта и стал Всевобуч.

Вслух и в лозунгах все, связанное с буржуями, порицалось. Но грех бы не воспользоваться опытом российского спорта в армии – а он был здорово в ней поставлен. Грех было не развивать в новых условиях культивируемые при царе спортивные дисциплины: лыжи, коньки и хоккей, водные жанры: греблю, плавание, водное поло; поднятие тяжестей, бокс, отделенную от цирка борьбу (она включена была в программу подготовки инструкторов спорта), легкую атлетику и, конечно же, футбол...

3

Мы переживаем поражения в футболе с таким трагизмом, как будто считаем себя родоначальниками этой игры и генетически обязаны в ней первенствовать.

Но, пожалуй, есть на то свои резоны.

Англичан-футболистов (любителей, разумеется) в России полно было до самой революции – и не случилось она, неизвестно, как скоро бы добились российские игроки суверенитета.

Впрочем, засилье англичан в первых российских футбольных командах порождало неожиданный эффект.

В перенесении игры на отечественную почву наши спортсмены проявляли себя весьма строптивыми учениками и ни в какую не соглашались превращаться в футбольную колонию.

Примеров яростного противостояния учителей и учеников – великое множество: англичане не могли смириться с тем, что новички все время выказывают гонор и переиначивают футбольные манеры на свой лад.

Насаждать футбол в России англичане начали в фабричном центре Орехово-Зуево, распадавшемся сначала на два селения: относившееся к Владимирской губернии Орехово и относившееся к губернии Московской Зуево.

Специалисты из Англии понаехали гуда еще в первой половине XIX века и уже в конце восьмидесятых годов попытались в старообрядческом поселении, где построили свои хлопчатобумажные фабрики братья Морозовы, организовать регулярные футбольные матчи. Среди своих, разумеется, – местные в расчет не брались. Ничего из этого не вышло. Но упрямое семейство Чарноков спустя десятилетие повторило свою попытку – и снова провал.

Лишь в начале XX века текстильный край снизошел к футболу. Братья Морозовы, кстати, противились игре из старообрядческих принципов.

Но – судьба: Савве Морозову, приложившему силы и деньги к созданию Художественного театра, выпало, пусть и против доброй воли, стать одним из футбольных пионеров России.

В незабываемом 1913-м команда из Орехово-Зуева в третий раз стала чемпионом России. И если бы не Первая мировая война, быть бы вотчине Морозовых и футбольным центром России. Москву, Петроград, Одессу и Харьков игроки из ткацких краев били на поле. Кстати, заложенное в самом Орехово-Зуеве англичанами поле – свидетельствую – и в восьмидесятые годы XX века продолжало быть в отличном состоянии.

Англичане в орехово-зுவевской команде постепенно теряли ведущую роль, российские футболисты выходили на ключевые позиции. В составе все больше русских фамилий: Макаров, Сазонов, Милин, Акимов, Кононов, Кынин... Правда, и англичан достаточно.

А один из них – вице-консул посольства Великобритании Роберт Локкарт – прославился и за пределами футбольного поля. Чемпион России стал организатором раскрытого в августе 1918 года ВЧК контрреволюционного заговора.

На Олимпиаде 1912 года, проходившей в Стокгольме, сборная России, составленная из игроков Москвы и Петербурга, проиграла футболистам Германии сокрушительно – 0:16.

Казалось бы, самонадеянные ученики англичан были посрамлены и должны были бы стать прилежнее. Но ко времени Олимпиады ни о каком преклонении перед иностранцами в спорте и речи быть не могло. Другое дело, что российскому спорту изначально повезло – он не развивался изолированно. И присутствие в России иностранцев подстегивало отечественных спортсменов как примером, так и конкуренцией.

Поражение в Стокгольме спортивная общественность России перенесла стойко. Очень мудрую позицию, между прочим, занимала пресса. Она справедливо считала, что русской натуре поражения порой бывают полезнее побед – заставляют подтянуться и жаждать реванша: смирение перед победителем не в русском духе. Тогда как редкие победы в новом спортивном деле и следующие затем восхваления дезориентировали – от похвал кружилась голова. А самонадеянности отечественным спортсменам было не занимать. Но и в таланте – в том числе и самобытном футбольном – им никак не откажешь.

Международные встречи, как правило, кончались поражениями российских команд. В лучшем случае, как в игре с норвежцами в сентябре 1913 года, добивались ничьей. Но от встреч с наиболее сильными противниками не отказывались – проигрышей не боялись.

На 1914 год намечалась обширнейшая программа международных матчей – война с немцами помешала ее осуществлению.

Войны и революция вынужденно изолировали футбол, что, однако, не помешало ему стать уже в следующем десятилетии спортом номер один в стране.

4

Проще всего сегодня умилиться реалиям тогдашней спортивной жизни и теперь идеализировать все в ней происходившее: скажите, пожалуйста, спорт в России только начинался, а уже и организация дела такая солидная, и календарь соревнований продуман и выверен, пресса специальная, какой у нас сегодня нет, и народ около спорта и в самом спорте солидный.

Культурный, словом, уровень, на зависть.

Мы словно забываем, что и жизнь в России была во много раз налаженнее, быт обустроеннее, народ не до нынешней степени напуганный, не выбитый, понятие цвета нации не казалось абстрактным...

А вообще-то в происходившем тогда заложена судьба, предстоящая спорту в нашем отечестве – со всеми перипетиями и сплетениями линий.

С теми прежде всего ограничениями для развития личности, если она целиком посвящает себя большому спорту. И с той невозможностью добиться высших достижений в спорте, не жертвуя для него всем.

С неперенным и осознанным гладиаторством посреди окружающей цивилизации. С обязательностью социальной и прочей экологии спортивной профессии, в десятые годы еще только зарождающейся, но и опыта цирковой атлетики достаточно было, чтобы понять многое.

Мы обмолвились о здоровьях и здоровье... Но работавшим в цирке силачам на долгую жизнь и долгое здоровье рассчитывать не приходилось – нагрузка у них и тогда уже бывала запредельной.

Одного лишь, может быть, нельзя было предположить тогда во всем объеме. Это роль и место спорта в официальной идеологии страны, которые определились уже при диктатуре пролетариата – большевики в идеологическом творчестве не знали себе равных до самых последних времен.

Профессиональный спорт рекрутировал разночинцев.

Он жил и обращен был к толпе или, выражаясь по-большевистски, к массам.

Но широкой аудитории требовали себе и остальные жанры – не борьбой единой жила спортивная Россия. И чемпионами не могли быть только выходцы из привилегированных слоев. Спорт не мог обойтись без самородков из неимущей среды...

Профессионализм вступал в противоречие с щепетильностью любительства. Документ подобной щепетильности нельзя не привести – тем более что в дальнейшем именно любительство (в советские времена особенно усердно декларируемое) шло на убыль.

5

Хоккей в зимней, исконно конькобежной стране не мог не стать популярным жанром. Но оформился он организационно во втором десятилетии века. Московская Хоккейная Лига образована тоже в 1913 году. И среди первоочередных забот Лиги газета «К спорту!» отмечает реферирование – судейство, по-нашенски.

Судьи пришли в хоккей из футбола. К ним не было пока претензий. Но их очень мало – всего пятеро (и среди них Иван Савостьянов – глава судейского корпуса в советские времена). Им необходимо подкрепление из среды таких же авторитетных в спорте лиц.

Кто бы тогда предположил, что профессия спортивного рефери станет самой конфликтной, самой драматической.

Что столько страстей будет бушевать вокруг нее, столько сил будет затрачено, чтобы расшатать ее морально. Что от судейства, в конце концов, столько будет зависеть...

6

В 1913 году «К спорту!» поместит полосный очерк о трагике Роберте Адельгейме. Журнал не коснется сценических творений артиста, прославленного вместе с братом на всю Россию.

Спортивное издание заинтересует физическая закалка артиста, его атлетические достоинства – фотография во весь рост удостоверит: театральная знаменитость отменно сложена и развита.

Роберт Адельгейм рассказывает о методах своих тренировок, настоятельно рекомендует их коллегам и молодежи. «Если бы наши артисты вместо губительного кокаина, опиума, временно возбуждающих настроение, обратились бы к здоровому и простому увлечению, то среди них не было бы столько немощных, состарившихся раньше времени людей. Мне более пятидесяти лет, но я себя чувствую юношей духом и телом».

В то же время «К спорту!» публикует статью «В защиту конькобежцев» – конькобежцы, напомню, гордость России. В первом же абзаце автор берет быка за рога: «Ввиду того, что в русскую печать проникло придуманное норвежцами в объяснение исключительных успехов наших конькобежцев утверждение об употреблении последними допинга, в настоящее время

является настоятельная необходимость подробно остановиться на этом вопросе и разобраться в его основательности.

Под допингом, как известно, обычно понимается искусственное возбуждение силы и энергии путем воздействия на нервную систему мышьяком, стрихнином, в слабой степени алкоголем. Способ, к которому прибегают в случаях применения допинга, заключается преимущественно в ведении такового в кровь посредством впрыскивания и в приемах внутрь в виде порошков, капель и т. п.

Отсюда понятно, что при использовании этой меры необходимо содействие врача, без рецепта которого почти невозможно приобрести ни одного, за исключением алкоголя, сильнодействующего средства.

Предполагать же возможность обращения наших конькобежцев к врачам за границей с просьбой прописать им допинг, по меньшей мере, наивно, хотя бы уже потому, что это обстоятельство в чужой стране тотчас же должно стать достоянием гласности и повлечь обычные в таких случаях последствия.

Вместе с тем нельзя ожидать, чтобы в таких самобытных в отношении чести и долга государствах, как Швеция, Норвегия и Финляндия, врачи сами так охотно шли навстречу определенному желанию пациентов принести непоправимый вред их здоровью и, кроме того, пожелали бы еще оказаться и сообщниками их преступной затеи.

Между прочим, всякий, кто сколько-нибудь знаком с нашими конькобежцами, может не без причин засвидетельствовать, что таковые, не в обиду будет им сказано, не доросли еще до понятия о том, что такое допинг, не говоря уже о сведениях, касающихся способов его применения.

Правда, в заключение придется все-таки сознаться, что случаи, когда некоторые бессознательно себя допингировали, были, но это больше случайность, чем рассчитанный на что-либо определенный поступок...»

Остается, пожалуй, лишь добавить, что и наши с течением времени доросли, чтобы не остаться в дураках.

А теперь вот дело идет к тому, чтобы допинг вообще легализовать: иначе чемпионы-фармакологи останутся некоронованными. Представления о справедливости к завершению века существенно корректируются.

7

Французская книга о женском спорте начинается с замечания, что самый доступный для каждой женщины спорт, несомненно, прогулка. Но кто же не знает, что женщины – и русские женщины в особенности – всегда хотят в первую очередь недоступного.

В начале десятых годов женщины-спортсменки сказали впервые свое слово в футболе. Точнее, их оборвали на полуслове...

Только они и в полуслове сумели весьма многое вложить.

Среди женщин, успевших обрести известность как футболистки, в основном русские фамилии. Это не опровергало английских влияний. Но вместе с тем доказывало, что футбол в России укоренился.

Конечно, общественному мнению был брошен вызов.

Популярность футбола в России многие объясняли его не эстетичностью. Отсюда, мол, и происходила его доступность непросвещенным массам. Никто не хотел понять, что костоломная грубость вызвана нетехничностью разбереженных азартом игроков.

А женщины быстрее – в силу природных свойств – обнаружили в футболе эстетическую перспективу, тягу к тонкостям, к игре комбинационной. Правда, когда ближе к завершению

века женский футбол возродился, некоторые из нас почувствовали в нем ностальгические мотивы: женский футбол напоминал мужской футбол сороковых годов.

Женщины играли более индивидуально в пору, когда мужчины играли строго в пас, придерживаясь тренерских установок.

Женщины импровизировали чаще, чем мужчины.

В первые послереволюционные годы, когда власть безоговорочно приняла футбол, не находя в нем ничего буржуйского, некоторые философы от спорта видели в нем игру аполитичную. Острили, что любители футбола Октябрьской революции и не заметили и по-прежнему захвачены не классовой борьбой, а постоянным соперничеством Москвы и Петрограда, где питерцы выигрывали чаще, но москвичи никогда не сомневались в том, что играют лучше...

Женщины своим участием вводили футбол в ранг политической игры, ибо она становилась частью женского движения за равные с мужчинами права.

Авиация же была спортом настолько опасным, что примешивать к ней что-либо казалось кощунственным. Женщины так женщины, раз рискуют наравне.

Три самые знаменитые женщины-авиатрессы интриговали Россию никак не меньше самых популярных цирковых атлетов – и уж наверняка относились к спортивной элите.

Лидия Зверева, первая русская женщина, посвятившая себя служению авиации, считала своей задачей – создать возможности «обучиться пилотажу как можно большему числу русских женщин».

В Риге она открыла авиационную школу, куда принимали женщин. Обучение происходило на аппаратах систем «Фарман», «Блерио» и «Ньюпор». При школе открылись мастерские, в которых строились аппараты разных типов.

Военное ведомство дало Лидии Зверевой заказ на несколько аппаратов «Фарман» № 16.

Любовь Галанчикова обучалась в знаменитой Гатчинской авиационной школе. Первый же ее публичный полет завершился катастрофой – хулиган из «зазаборной» публики якобы от восторга бросил палку, попавшую в пропеллер, «вследствие чего аппарат рухнул». Галанчикова отделалась ушибами – и продолжала летать. Знаменитый конструктор Фоккер пригласил ее на свою фабрику в Германию, где она совершила множество полетов на «Фоккере». Во время одного из них она установила мировой женский и всероссийский рекорды, достигнув высоты 2200 метров. Свои впечатления от полета она изложила весьма живописно: «Я поднималась все выше и выше. Сначала меня очень интересовала расстилавшаяся внизу картина: аппараты, летавшие в это время, казались как бы приплюснутыми к земле, в то время как в действительности они находились на высоте нескольких сот метров.

Но чем выше я поднималась, тем туманнее становилась партия предметов на земле. Наконец, когда я была на высоте свыше 2000 метров, я видела под собой лишь белую оболочку тумана, а кругом зарево восходящего солнца».

Княгиня Евгения Шаховская – большая, по мнению журнала «К спорту!», спортсменка – чаще летала в Германии, чем в России.

Она стала первой женщиной-пилотом аэроплана «Райт». Княгиня считала, что «авиация не трудна – не требует ни физической силы, ни особенных познаний. Она только опасна, но если человек пренебрегает этим обстоятельством, то авиация не является чем-то особенным».

Наступил момент, когда у журналистов появился трагический повод придаться к ее словам. Не является ли это пренебрежение опасностью причиной катастрофы и гибели одного из наилучших русских авиаторов?

Княгиня пилотировала аэроплан с Всеволодом Абрамовичем – ее учителем и ведущим пилотом фирмы «Райт» – на борту в качестве пассажира. При резком движении рулем (Шаховская выравнивала аппарат после провала в воздушную яму, когда заметила перед собой другой аппарат) аэроплан накренился и рухнул на землю.

По свидетельству «К спорту!», катастрофа, в которой княгиня чудом осталась в живых, «произвела впечатление на всех авиаторов».

8

Начало века обещало уклон в технические виды спорта.

Мир казался опьяненным скоростью. Быть с веком наравне уже тогда значило мчаться куда-то круглосуточно, обгоняя, опережая всех. Про самодостаточность, самооценку пешехода вспомнили лишь Ильф и Петров уже в тридцатые годы...

Помимо авиации, наземные жанры: велосипед, мотоцикл, автомобиль, наконец. Любовь к автомобилю пронизывает страницы спортивных журналов.

В портретах гонимых-автомобилистов печаль спокойной отваги. И нечто затаенное...

Но век для России начинался иномарками и завершается иномарками. Впрочем, «Фор-мула-1», и без участия наших пилотов превращается в излюбленное телевизионное зрелище.

9

В наших журналах до сих пор считается, что крупный план при изображении кого-либо, портрет – поощрение. И позволять такого рода баловство следует изредка.

Зря. По выражению лиц, прищурю глаз, одеревенелости мышц мы судим о времени, заглянувшем в эти лица, в них отпечатавшемся, вернее, запечатленном...

И как нам повезло, что в редакциях журналов начала века фотографическое внимание щедро ко многим. Фотография действительно факт, а не реклама. Хотя, в сущности, и реклама, навязывающая тогдашней России спортивный образ жизни.

Искусство портрета отнюдь не всегда на высоте. Заметно позирование, заметна тяга фотографов к постановочности, притом что репортажный пульс в журналах той поры отчетлив: спорт молод, но снимать его уже научились.

В снимках – понимание ситуации, а это в спортивной фотографии едва ли не главное. Понимание ситуации и проникнутость состоянием. Журналы листает, возвращаясь, чьи-то глаза или поза западают, мешают окончательности расставания.

Кстати, через статичность, через стандарт позы или мизансцены жизненные токи доходят никак не меньше. Позируя, человек все равно выдает, выражает свое отношение.

Интересно, что профессионалы, которых, рекламно раскручивая, вгоняют в образ, в проявлениях перед камерой однообразнее – есть элемент повторения маски. В любителях больше чудачества, странности. В снимках профессионалов аномалия выпячена. У любителей она пропадает как бы сквозь стеснение.

Рассматривать снимки можно до бесконечности.

Финиш стометровки: наиболее экспрессивен оставшийся последним, он аж подпрыгнул, словно перепугал жанры, а победитель, сдвинув оборванную ленточку на горло, встретился взглядом со зрчком съемочной камеры.

Руки вскинута крыльями – он выиграл с преимуществом, осталось время для выгодной подачи себя...

Победитель автомобильного «Звездного пробега», стартовавшего из Кишинева, господин Суручан за рулем машины фирмы «Бенц» на фоне теперешней академии Жуковского на Петербургском шоссе. Солидность главного бухгалтера. Иной тип – мотоциклист Столяров: в нем больше от оперного тенора...

Гладко причесанная голова, белые бутсы, белый воротничок, невозмутимость, заимствованная у англичан, но русский нос – вратарь сборной России Дмитрий Матрин из московского клуба «Унион». Снимок передает технику приема мяча на линии и в рамке ворот – фотограф явно разбирается в футболе.

Нарядные, модные дамы, шляпы, сумочки, кавалер один на двоих, но в котелке – летчицы Самсонова и Анатра.

Авиатор Габер-Волынский в картузике, в толстовке, похожий на землемера, но с лицом бородато-таинственным, поднял перед членами жюри над головой барограф, отметивший высоту 2800 метров.

Почти шалашинская породистость, черты лица округло-крупные, воротничок крахмально подпер приметный подбородок, уши прижаты, губы прикушены неожиданно нежно, надбровные дуги придают философичность взгляду – талантливый русский наездник и тренер.

Два худеньких господина (стройность подчеркнута облегающими конькобежными трико), лица узкие, усики намеком, один чуть мрачноват, другой круглоглаз и весел, руки за спину заведены, как при долгом беге, лихость скрывается, но как ее скроешь? – два обветренных скоростью зимних гиганта, обидчики скандинавов, чемпионы мира Василий Ипполитов и Николай Найденов (он повеселее земляка, и воротничок на свитере отложной, на худой груди шнуровка, а Василий в глухом и черном свитере).

Ну а с борцов что возьмешь – привыкли на арене мышцы напрягать, но если от бугров на плечах и груди оторвешь взгляд, – видишь, что народ, в общем, смирный, пока не заденешь, – каждый и артист, и вол упрямый в одном лице...

А в общем-то типов не счесть: джентльмен, пахарь, ударившийся в атлетику студент, удалец, азартный механик, одинокий силач, гусар-девица...

И о каждом думаешь: что с ним будет после семнадцатого года?

Хотя про многих и знаешь – сохранили лицо.

Новый тип спортсмена замечен стал не сразу – потребовалось время.

10

С усталым сожалением, что вот оно и все – «финита ля комедия», перевернул я последний плотный лист залоснившейся подшивки за 1916 год.

Дальше в сорванную с петель дверь семнадцатого года ворвется ветер другой истории... Дальше – жизнь на сквозняке. Будут другие издания: на другой бумаге и с другими идеями.

Эти издания и меня воспитают таким, каким предстаю я в своей версии времени, непостижимым образом и ход моей тогда и в проекте нерожденной жизни предопределившего.

В спортивных изданиях первых десятилетий века минимум мифологии, хотя в журнале Дяди Вани Лебедева раскрутка атлетов идет уже вовсю и с изобретательностью, которой и сегодня можно позавидовать.

Впрочем, в «Геркулесе» и во всех других изданиях – прежде всего «К спорту!» – можно позавидовать многому: и обстоятельства в рассмотрении каждой из спортивных дисциплин, и спокойному тону, тону той аналитики, что нам недоступна. Тон никогда не бывает равнодушным, но запальчивость и некорректность в журналах крайне редки.

А мифологии мало, наверное, потому, что издания очень молоды и молода сама натура: спорт увлечен собой, но масштаба возможной увлеченности своими действиями, своим зрелищем еще не может представить.

Мифологии и потому мало, что нет запретных тем, отсутствует умолчание.

Но сегодня все прошедшее превратилось для нас в миф – и не о спорте едином, а обо всем укладе жизни, в чьих-то интересах разрушенной до основания.

И в превратившейся в миф информации волнует строчка о том, что Сергей Уточкин испытал гидроплан у Елагина острова на Средней Невке.

В начале шестидесятых годов я сотрудничал в «Советском спорте» – и очень знаменитый тогда из-за «Брестской крепости» Сергей Сергеевич Смирнов спросил меня как-то про Бориса Чеснокова, исполнявшего скромнейшую роль в редакции, настолько скромнейшую, что я даже удивился интересу к нему, а не, скажем, к Токареву или Филатову, чьи успехи у читателя занимали мое воображение.

Сейчас бы я дорого дал, чтобы вновь увидеть и подробнее расспросить этого седого, худощавого, как стайер, всегда отстраненного от газетной суеты человека неопределенных лет – странно, но мне, двадцатитрехлетнему, Чесноков не казался старым. Просто незаметным среди знаменитостей «Спорта» тех лет...

Борис Чесноков был ведущим сотрудником «К спорту!». Он, вероятно, досконально знал борьбу и тяжелую атлетику. И статьи его, как правило, проблемны: «Любители или профессионалы в тяжелой атлетике», «Борьба около борьбы», «Кризис борьбы»...

Молодость и старость эгоистичны – каждая по-своему.

И общение между ними всерьез едва ли возможно.

Остается беречь подшивки, что сегодня преступно не делается в редакциях.

* * *

Мучения в истории, не переносимые для обывателя, во все времена заслуживающего удобного быта и независимости в частной жизни, легли естественно на биологическую структуру спортсмена, совпали с ней органично.

Но, конечно, не сразу. Еще не в эти два десятилетия. И даже не в следующее.

Глава 3

Двадцатые годы

В самом начале пятидесятых, еще при жизни Сталина, я, как, впрочем, и все тогда (не только сверстники, но и взрослые), был помещен на киноленте иностранного производства «Судьба солдата в Америке». Как выяснилось много позднее, советскими прокатчиками подразумевалось, что судьба эта никак уж не завидна. Однако большинство из нас, не сомневаюсь, всё бы отдали за такую судьбу. Гангстеры, красивый мордобой, роковые женщины...

Ничего подобного в нашем быту не обнаруживалось.

Кроме разве что мордобоя, правда, несравнимо менее красивого.

Фильм «Судьба солдата в Америке» на самом деле называется «Ревущие двадцатые». Я к тому, что и нашим двадцатым годам неплохо бы найти столь же меткое определение.

Авиалинии в Америку тогда еще не были проложены. Плавали пароходами. Но существовали-то мы в одной галактике. И наложение времен – наших на американские и американских на наши – не повредило бы.

В чем же проблема?

Допускаю – и даже не сомневаюсь, – что американцы в сугубо пропагандистских целях приукрашивали свою историю не меньше нашего. Но в Америке пропагандистская лента не обрывалась, как случилось у нас – и теперь их история прозрачнее. Оттого и кажется логичнее.

У нас же спортивная история никем не переписывалась в последние десятилетия – и на это ведь нет денег (насчет желания не знаю). А та, что нацеленно сочинялась за годы советской власти, вызывает сегодня сложные чувства. Почти не сомневаюсь, что относительно недавно они были совсем не такими сложными. Каждый, особенно из тех, кто помоложе, перелистав достаточно многочисленные брошюры и книжки, казенностью языка и плакатностью аргументации от брошюр почти не отличающиеся, подверг бы саркастическому осмеянию незатейливое советское бахвальство, откровенное вранье и сентенции большевистских оракулов, утверждавших, что путь к настоящей культуре возможен лишь через культуру физическую.

Но сегодня глуповато смеяться над убежденными людьми, наделенными колоссальной энергией, худо-бедно, а создавших систему государственного курирования спорта, поверивших в спорт как в приоритетное для новой власти дело в тот момент, когда в прочности и перспективах самой власти еще сильно можно было посомневаться. Энтузиазм легко выщучивать. Но когда его вовсе нет – и в депрессию впасть недолго.

Сравнения времен вообще-то не слишком корректны.

Но мы пережили времена, когда без параллелей хоть в какое-то утешение не выстоять. Разруха начала двадцатых вроде бы и не катастрофичнее последующих.

Правда, человеческий материал выглядит из грустной сегодняшней дали понадежнее, подобротнее, поосновательнее.

И уж точно свежее ложился на память пример налаженной жизни, разрушенной, однако, с варварским восторгом, столь органичным для российского характера. Или, как сказали бы теперь, менталитета. Хотя, на мой взгляд, менталитет проистекает из привычки к порядку в мыслях, а нам по душе, по сердцу, напротив, беспорядок, вдохновляющая к подвигам стихия...

Годы эти оказались не потерянными для натур, особенно богато одаренных. А некоторые из них и проявили себя наиболее ярко, словно вызов бросая всему неустройству жизненному, – и на вершину своей человеческой силы поднимались, можно сказать, из спортивного интереса, не рассчитывая в сложившихся обстоятельствах не только на достойное вознаграждение, но и на память сколько-нибудь благодарную.

Не исключено, что внутри талантов мощнее, чем когда-либо, срабатывал механизм инстинкта: люди вдохновения догадывались, что лучше им уже никогда не будет.

То есть будет – как и было в какой-то мере в образовавшейся реальности – лучше в смысле благоприятствующих условий, а то и минимума комфорта. Но исчезнет та иллюзия освобождения, какая непременно возникает при исторических переломах.

Когда претензии выдающейся личности на автономию в обществе вдруг представляются реальными.

Странно, но в жестокие, иногда и по-средневековому, 1920-е годы творцы в разных областях знания или, тем более, путешественники в неизвестное на миг почувствовали физическую раскованность, за которую едва ли не каждого из них ждала расплата.

Тянет сказать: противоречивые двадцатые. Но в нашей истории то же самое с теми же основаниями смело можно сказать про любое десятилетие.

Впрочем, противоречия 1920-х, пожалуй, острее символизировали все последовавшие противоречия, приглушаемые красноречием пропаганды.

Любопытно, хотя и закономерно, что победителям-большевикам нравилось отмечать свои успехи, отсчитывая от конца двадцатых, с 29-го, если уж конкретно, года, когда крестьянская суть России была уничтожена и голод на все последующие времена стал явлением перманентным. Вспоминали как заслугу удушение нэпа, но никогда про удачу нэпа, ни про золотой червонец не обмолвившись. Радовались пирровой победе над оппозицией, над инакомыслием, никогда не вымолвив ни полслова сожаления вслед изгнанным или загубленным талантам и умам. Тем более что почти до самого конца XX века по-настоящему не прочувствовалось: до чего же их не хватает России.

Выгоняли и убивали тех, кто не скрывал, что понимает, какие же глупости делаются, какой творится произвол...

Но не надо забывать, что и глупости делали, и произвол творили тоже очень часто люди огромных дарований. В том-то и главная трагедия – обреченность, выразившаяся в приходе безголовых на смену обезглавленным.

Для спорта в новой России, а затем в новой советской империи расширялась бескрайняя территория, небывалая строительная площадка. В спорт, существовавший прежде, вносилась, конечно, идеологическая корректура. Но она ни в какое сравнение не шла с топорными ударами, наносимыми вокруг.

Художественный театр, не рассчитывая и дальше спастись от голода осетриной, отправился в зарубежные гастроли – поплыли в Америку на океанском гиганте «Мажестик». Не исключая, что покидаемая родина казалась им «Титаником».

В двадцать четвертом году они вернулись – и не застали своего зрителя. Но голодная смерть им больше не грозила, рабоче-крестьянская власть взяла их на свой кошт.

Спорт российский никакого зрителя, в общем-то, не терял – цирковая аудитория сохранилась примерно в том же составе, недосчитавшись эмигрировавшего Куприна и умершего Блока, а у жанров намеренно элитарных взаимоотношения с массами и не могли быть налаженными.

Получалось, что спорт выигрывал вдвойне – власть, обратившая внимание на спорт как на зрелище принципиально демократическое, общедоступное, гарантировала в скором времени интерес народа, подчиняемого властью, кроме всего прочего, и организуемым ею зрелищам.

Правда, «Пролеткульт», вернее, его теоретики, и здесь наследили. Они требовали отказа от достижений прошлого – и более того, отрицали как культивируемые в буржуазном обществе спортивные жанры: бокс, футбол, спортивную гимнастику («Долой брусья», «Создадим свои пролетарские упражнения и снаряды»). Рекомендовали трудовые движения: типа ударов молотом по наковальне...

От пролеткультовских инициатив власть отмахнулась. Но и тени аполитичности тоже не допустила. Уже в двадцать пятом году вынесено было программное постановление «О задачах партии в области физической культуры».

1

Всеобуч, под чьей маркой и происходило становление советского с порта, и комсомол – ровесники.

Комсомол, как видим мы теперь, наиболее прогрессивная из социалистических мафий.

Сегодня можно всячески высмеивать политическое руководство спортом (при том, что все мы – и начальство, и публика – ждем от спорта политической поддержки). Но в тот момент открытием было – и единственной, наверное, возможностью – развивать спорт в необустроенной стране под государственной эгидой.

Конечно, интерес к физически тренированным людям не мог быть вполне бескорыстным, ждать рождественского доброхотства от государственных структур не приходится. Рационалист Ленин, прославляемый мемуаристами как шахматист, пловец и, кажется, городошник, видел в каждом физкультурнике потенциального воина.

Нетрудно заметить, что интерес к спорту в те времена не ограничивался жанрами, ставшими затем «партийными» и коммерческими.

Размах выражался и в сочинении новых форм – многодневных эстафет, массовых переходов и пробегов.

В пору безнадежного романтика Сергея Уточкина уже ощутил авторитет военного летчика. В двадцатые годы организованная комсомолом молодежь – учлеты – не мыслила себя вне военной или полярной авиации.

Вероятно, очень многих бы увлекли технические жанры – мотоцикл, автомобиль, – у них же были и опыт, и легенды, и кумиры. Но в двадцатые годы отечественная промышленность ничего не могла предложить энтузиастам. А связи с зарубежными странами практически прекратились.

2

В схему того рационализма, каким пытаюсь я представить спорт двадцатых, не очень вмещаются парады.

Для масс, вовлекаемых в спорт, пребывание на людях в полуобнаженном виде вроде бы еще не могло стать нормой. Взорванная революцией Россия не могла вмиг перестать быть патриархальной.

Освобождение от мешающих одежд в момент состязания еще куда ни шло. Но просто шествие, особенно молодых девушек в трусах и майках перед множеством глаз невольно отдавало эксгибиционизмом, если бы понятие это было широко распространенным.

Конечно, революция настаивала на публичности, срывала покровы, распахивала двери, лишала человека прав на многое из того, что прежде считалось сугубо личным...

Спорт несомненно становился знаком, а то и знаменем времени. Символизировал обобщение чувств. Теперь мы можем сказать, что в парадах физкультурных была и политическая перспектива откровенной агрессии.

Собственно, чего же здесь удивительного – спортивные парады вели родословную от парадов военных.

И если уж мы заговорили про агрессию, то парады мускулистых юношей и стройных девушек – не самая ли мирная из интерпретаций, необходимых нации для самоутверждения в агрессивности?

Позднее к постановкам всех праздничных действ и шествий привлекали выдающихся театральных деятелей, именитейших хореографов. И когда мы дойдем в своем повествовании до тридцатых – сороковых годов, то обратимся с удовольствием к мемуарам Игоря Моисеева, к свидетельствам Валентина Плучека и другим увлекательным документам.

Очень может быть, что и о парадах двадцатых годов что-либо написано теми талантливыми людьми, кому доверялась постановка этих празднеств закаленного тела. Но мне их воспоминания почему-то не попадались – и я впечатлялся фотографиями. Долго рассматривал изображения литых фигур, чью энергетику впитала фотопленка, – и мысли, весьма далекие от привычно-пафосных, приходили мне в голову.

Что случилось с прекрасными экземплярами человеческой породы, тогда столь многочисленными? Что случилось с марширующими на стадионах, с прошедшими летящим шагом по брусчатке Красной площади в двадцать восьмом году (накануне коллективизации)? Через несколько лет Твардовский напишет: «Где ты, брат, что ты, брат, как ты, брат? На каком Беломорском канале?» А ведь кроме каналов, лагерей, расстрельных подвалов – еще и война...

Но из песни слов не выкинешь. Эстетическая необходимость в прелюдиях к спортивным состязаниям только возрастала.

Возьмите Олимпиады, возьмите чемпионаты мира по футболу... Церемонии открытий все более искусно театрализируются, костюмируются. И каждое последующее соревнование по художественному уровню превосходит предыдущие...

3

У Каверина в «Двух капитанах» зимою одного из ранних двадцатых годов герой-детдомовец приходит с девочкой Катей на каток – и видит, что лед сильно изрезан: тренировались хоккеисты.

Хоккей – русский, как тогда и долго потом его называли, – существовал на глазах зимнего футбола, и международную встречу провели на ленинградском льду в феврале двадцать седьмого года. Сборная РСФСР выиграла 11:0 у рабочих-хоккеистов из Швеции.

Но ведущими жанрам русской зимы по-прежнему оставались коньки и лыжи.

Конькобежцы по инерции продолжали выступать на международной арене.

Впрочем, нельзя сказать, что и остальные спортсмены при советской власти сразу и напрочь отгородились от остального мира. Отгородились, если быть точными, от буржуазного мира. Причем, как принято считать, по инициативе самого того мира и отгородились. Страны, правительства которых были против большевистского строя, противоречили бы себе, соревнуясь с грозящими им самозванцами. Вместе с тем буржуи уже тогда дорожили демократическими ценностями. И вовсе не бывали строги с запретами посостязаться с большевиками тем наивным своим соотечественникам, которые сочувствовали Советам.

Соревнования со спортсменами из рабочих союзов проводились в двадцатые годы регулярно. Никак не скажешь, что атлеты из СССР не бывали за рубежом. А на первую Спартакиаду в Москву приехали более шестисот спортсменов из четырнадцати стран.

Соревнования такого рода проходили под знаком солидарности и товарищества. Но гордость от побед над соперниками, заведомо уступающими в классе нашим чемпионам и рекордсменам, входит в плоть пропаганды.

Маяковский торопится заявить: «Нужен нам не безголовый рекордист. Нужен массу поднимающий спортсмен...» Но массу, надо полагать, «поднимают» победы и рекорды. А тогда какой же резон в требованиях к интеллекту и грамотности спортсменов, обращение к их морали, на чем тот же Маяковский в достаточно прямолинейных агитках настаивает?

Знаменитый остроумец, артист эстрады Николай Смирнов-Сокольский, рассказывая в пятидесятые годы о прошлом, любил говорить: «Это было еще до морального облика». Имея в виду счастливые, как он считал, времена, когда к богеме не лезли в душу с той моралью, что легче осваивалась людьми «из публики», меньше подверженными пагубным страстям.

При всем изначально требуемом аскетизме в больших спортсменах, узнавших вкус широко растрезвленного чемпионства, немало и от богемы. Но за их моральным обликом следить, пожалуй, стали раньше, чем за обликом актеров, писателей, художников. Они нагляднее представляли страну, соревнуясь с сочувствующими, но все же чужеземцами.

В соревнованиях на первенство Норвежского рабочего союза наши конькобежцы побеждают на всех дистанциях.

Григорий Кушин пробегает десять тысяч метров всего на семнадцать секунд хуже мирового рекорда норвежца Оскара Матисена. А Яков Мельников – первый советский зимний кумир – на трех оставшихся дистанциях показывает результат выше, чем Ивар Баллангруд на чемпионате мира в Тронхейме, разыгравшемся в те же самые дни, что и рабочее первенство.

В конце десятилетка на 1-й рабочей международной зимней Спартакиаде в Осло Яков Мельников обновляет рекорд катка «Бишлет» на десятикилометровой дистанции, а на пятикилометровой снова показывает результат выше, чем у Баллангруда, в том же двадцать восьмом году победивший на Олимпийских играх в швейцарском Санкт-Морице.

И после этого как должное была воспринята победа Мельникова на первенстве мира среди рабочих-спортсменов...

На международной зимней Спартакиаде неплохо смотрелись и лыжники. Дмитрий Васильев из Москвы в гонке на тридцать километров стал вторым, а в горной на семнадцать – первым, ленинградка Варвара Гусева победила на восьмикилометровой дистанции.

Но как-то повелось выше котировать достижения на лыжне политико-пропагандистской.

Начнем с того, что молодые лыжники – бойцы Петроградского военного округа участвовали в подавлении Кронштадтского мятежа. Здесь еще и трагически-спортивный синтез. Адмирал и мастер спорта, воспитанник всеобуча Юрий Пантелеев вспоминал, что лыжникам-карателям предстояла исключительная, с точки зрения «чистого» военного искусства, операция – штурм военно-морской крепости (причем первоклассной крепости!) по льду.

Рекордный тон был задан на все десятилетие – штурм состоялся, напомним, в марте двадцать первого года.

В январе двадцать седьмого года четыре московских спортсмена – Дмитрий Васильев, Борис Дементьев, Александр Немухин и Владимир Савин – финишируют в Осло, заканчивая лыжный переход по маршруту Москва – Хельсинки – Стокгольм – Осло. 2150 километров были пройдены ими за двадцать ходовых дней (среднесуточная скорость – 74 километра).

«Марафонский пробег русских лыжников нанес отрезвляющий удар нашему “самохвальству”, – писали в финских газетах. – Русские уже сейчас доказали, что в СССР показывают в физкультуре достижения, которые достойны оценки в какой угодно стране».

Деловые финны, очевидно, сделали соответствующие выводы: на той самой «незнаменитой войне» во время финской кампании у их бойцов-лыжников было все же преимущество перед нашими.

Между прочим, в шестидесятые годы я служил в редакции газеты «Советский спорт» (под названием «Красный спорт» это издание существует с двадцать четвертого года, и в нем подробно писалось о переходе из Москвы в Норвегию) вместе с Игорем Немухиным – сыном одного из участников перехода, великолепным обозревателем лыжного и велосипедного спорта.

В двадцать девятом году Реввоенсовет СССР наградил Почетной грамотой и золотыми часами командира взвода Андрея Куропаткина за рекордный военно-лыжный переход от Омска до Москвы.

В том же сезоне спортсмены-железнодорожники (всего их было двести пятьдесят человек) провели лыжную эстафету протяженностью 2250 километров по маршруту Тюмень—Москва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.